

ДЖОШУА
ПРАВЕР

КОРОЛЕВСТВО КРЕСТОНОСЦЕВ

ДВА ВЕКА ПРАВЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ РЫЦАРЕЙ
НА ДРЕВНИХ БИБЛЕЙСКИХ ЗЕМЛЯХ: ОТ ВЗЯТИЯ
ИЕРУСАЛИМА ДО ПАДЕНИЯ АКРЫ

Джошуа Правер

Королевство крестоносцев

«Центрполиграф»

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4

Правер Д.

Королевство крестоносцев / Д. Правер — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-9524-5382-1

Выдающийся израильский историк Джошуа Правер на страницах своей книги воссоздает жизнь и уклад средневекового общества на Ближнем Востоке в эпоху Крестовых походов. Профессор Правер описывает историю создания крестоносцами Иерусалимского королевства, рассматривает его устройство, систему управления, политические и общественные институты, привнесенные европейцами в Святую землю, а также рассказывает о взаимопроникновении восточной и западной культур и возникновении новых форм в искусстве.

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-9524-5382-1

© Правер Д.
© Центрполиграф

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	27
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Джошуа Правер

Королевство крестоносцев. Два века правления европейских рыцарей на древних библейских землях. От взятия Иерусалима до падения Акры

Только задумайтесь над тем, обращаюсь я к вам, как Господь уже в наши дни перенес Запад на Восток. Так мы, бывшие уроженцами Запада, стали теперь уроженцами Востока. Тот, кто был ромеем или франком, теперь галилеянин или житель Палестины. Тот, кто был гражданином Реймса или Шартра, теперь стал гражданином Тира или Антиохии. Мы уже забыли те места, где мы родились, многим из нас уже ничто не напоминает о них... Некоторые взяли себе жен не из своего народа, но сириек, армянок и сарацинок, которые приняли благодать крещения. Некоторые ввели вместе с ними в свои дома зятя или невестку, тещу и тестя, пасынка и племянников, а еще внуков и правнуков... Разные языки стали известны обеим нациям, и вера объединяет тех, чьи предки были чужими друг другу... Те, кто были чужеземцами, теперь – местные обитатели, и тот, кто был временным гостем, стал постоянным жителем. Каждый день прибывают наши родители и родные, чтобы воссоединиться с нами, оставляя, хотя и с некоторой долей сожаления, все, что они имеют... Вы – свидетели великого чуда, которое может глубоко удивить весь мир. Слышал когда-нибудь кто-то о чем-либо подобном?

Фульхерий Шартрский История Иерусалима, III, 37

JOSHUA PRAWER

THE CRUSADER'S KINGDOM: EUROPEAN COLONIALISM IN THE MIDDLE AGES

© Перевод, издание, ЗАО «Центрполиграф», 2019

Предисловие

Этот труд не является очередным повествованием о крестовых походах и об утверждении католичества в странах Востока. Скорее это попытка описания и анализа средневекового общества, перенесенного в область Восточного Средиземноморья, которое создало собственные формы общественной и культурной жизни вне географических и культурных границ Европы. Хотя колонизация совсем не новый феномен в европейской истории, именно со времени крестовых походов утвердилось постоянная взаимосвязь между всеми колониальными завоеваниями и их преемственность. С этих пор колониализм остается основным фактором в европейской и внеевропейской истории. В этом смысле оправдано называть королевство крестоносцев первым европейским колониальным обществом.

Определение крестового похода как разновидности колониального завоевания относится к тем временам, когда, несколько столетий назад, прилагательное «колониальный» не имело уничижительного значения. Понятие «колониализм» приобрело примирительный оттенок в эпоху Просвещения, а в период высшей стадии империализма перед Первой мировой войной оно получило негативное значение и остается таковым до наших дней.

Несмотря на то что крестовые походы давно стали называть колониальным движением, в таком качестве они никогда не рассматривались. Было принято говорить о крестовых походах и Латинском королевстве как о первом примере европейской колониальной экспансии, не вникая особо в ее сущность. Они никогда не претендовали на то, чтобы открыть новую главу в истории колониализма. Конечно, ни один автор не обходит стороной тему крестовых походов, когда начинает говорить о европейской экспансии, колониализме и империализме. Но очень немногие из них задаются вопросом, что это значило – задать импульс колониальному движению семь веков назад. Нет ни одного исследования на тему, как выглядела «колония» в XII–XIII вв., как она жила и развивалась в качестве «колониального» учреждения.

Показать идеологические предпосылки колониального движения, рассказать о существовавших в Леванте европейских общественных институтах, формах их организации и их достижениях – основные задачи данного труда. Тем самым мы надеемся внести свой вклад в изучение средневековой истории, а также колониальных движений.

План этой книги сложился после 25 лет изучения истории крестовых походов и самих крестоносцев. Идея книги родилась в процессе обсуждений отдельных сопутствующих основной теме проблем с коллегой в Еврейском университете Иерусалима, ныне покойным доктором Йониной Тальмон, социологом, чья преждевременная смерть была большой потерей для ее друзей и университета. Годы, потраченные на подготовку и завершение работы, были большим испытанием для моих издателей, и поэтому мне бы хотелось поблагодарить их за поддержку и понимание. Позвольте мне также выразить свою благодарность супругам Р. Сиро, в чьей парижской квартире была написана большая часть моей книги. Я также благодарен мистеру Д. Бен-Якову за его труды в подготовке рукописи для печати.

И последнее, но не менее важное. Я хотел бы поблагодарить моих близких друзей профессоров С.Н. Эйзенштадта и Д.Б. Тальмона, которые любезно согласились прочесть машинописный вариант моей книги и сделали ценные замечания; профессора М. Бараша, который отрецензировал главу об искусстве; доктора Б. Кедара за многие важные дополнения и критические отзывы; мисс С. Шейн, моего помощника. Хочу выразить особую признательность моим друзьям Кл. Каен из Сорбонны, Дж. Ричарду, профессору истории Университета в Дижоне и Г.Э. Майеру, профессору Университета в Киле, чьи книги открыли новые перспективы для исследований и помогли, среди прочего, написанию этого труда.

Глава 1

Канун 1-го Крестового похода

Страны Леванта тянутся вдоль восточного побережья Средиземного моря почти по прямой линии. Их древние народы, заселившие равнины и холмы между прибрежными дюнами на западе и негостеприимной пустыней на востоке, видели множество завоеваний и завоевателей. Могущественные державы «плодородного полумесяца» на севере и долины Нила на юге совершали периодические вторжения с целью приращения территорий приграничных провинций своих империй, стремились обеспечить гегемонию над вечно соперничавшими правителями Сирии и Ханаана и создать буферную зону, которая обезопасила бы их основные владения.

Эти центры древней культуры, колыбели двух великих монотеистических религий – иудаизма и христианства – были поглощены имперским Римом и подверглись нивелирующему и объединяющему влиянию наиглавнейшей державы Античности. В итоге покоренные народы благодаря присущей им всепобеждающей духовной силе завоевали империю изнутри, навязав свою религию и кодекс поведения на всем ее обширном пространстве.

Родина новой религии и морали жила своей отдельной духовной жизнью во времена империи, внося свой вклад в философию и богословие, влияя на различные еретические учения. Со времени появления гностической ереси во II в. и вплоть до конца VII в., когда формировались христианские догматы, Сирия и Палестина часто играли решающую роль в выработке Символа веры и организационных основ христианства.

В то время как по всей империи был принят императорским эдиктом Символ веры, в Сирии, Палестине и странах Востока, не находившихся под непосредственным контролем центральных властей, нашли пристанище различные ереси. Население, в основном семитического происхождения – финикийцы и евреи, смешавшись с греческими и римскими поселенцами, разделилось на группы и секты в результате вероисповедных споров.

Во второй четверти VII в. ислам развернул свои знамена над всей этой территорией конфликтовавших друг с другом христианских сект, к которым официальная византийская церковь иногда относились терпимо, но чаще преследовала, и еще остававшимся в Святой земле евреями и самаритянами. Возникла новая держава, нарушив вековое равновесие имперских границ от Евфрата до дельты Нила. Поднялась новая империя, рожденная на острие копий конников, которые устремились на север с Арабского полуострова, и еще не успело смениться одно поколение, как они уже поили своих коней водой рек Египта и Месопотамии. Два поколения спустя в начале VIII в. у врат Константинополя уже слышалось ржание арабских скакунов, а у города Херес-де-ла-Фронтера (711) в Испании звучала похоронная песнь по павшим в битве христианам. От Пиренеев через Северную Африку, Египет, Палестину, Сирию, Малую Азию и почти до Индии меч ислама заставил миллионы новых верующих молиться в направлении на Мекку.

В начале VIII в. новая политическая конфигурация определила будущие судьбы и Ближнего Востока, и Европы. Три империи Средиземноморья противостояли друг другу. Сильная и полуварварская романо-германская империя франков столкнулась с исламом на реке Эбро в Испании и на северных берегах Средиземного моря. Византия граничила с исламскими владениями от побережья Адриатического моря и до гор Тавра, возвышавшихся над плодородными долинами Месопотамии. Средиземное море – некогда внутреннее море Римской империи – стало опасным рубежом соперничающих держав. Новая Европа была отрезана от колыбели своей веры и богатейших провинций в Северной Африке и Азии.

Византия, потеряв южные провинции, реорганизовала свои силы на Балканском полуострове и в Малой Азии. Отброшенная к своим срединным землям, она стала греческой по духу более чем когда-либо.

Энергия ислама была направлена на освоение обширных недавно колонизованных земель и различных народов, на них проживавших. Бескрайняя мусульманская империя не пережила периода своей начальной экспансии при Омейядах. К середине VIII в. независимый халифат образовался в Испании, а в начале X в. Аббасидскому халифату в Багдаде начали угрожать шииты Фатимиды в Каире. Вследствие раскола власть аббасидского халифа ослабла. В начале XI в. бывший духовный правитель всех правоверных уже не имел никакой политической власти даже в окрестностях своей столицы Багдада. Завоеванные провинции, хотя и обращенные в ислам, вернули себе до некоторой степени свою национальную и культурную идентичность в условиях подъема местных династий. Последние признавали власть халифа и упоминали его имя в торжественной пятничной молитве, в то время как они добились значительной независимости для себя в рамках халифата.

Распад Аббасидского халифата остановили в середине XI в. племена относительно недавно обращенных в ислам турок-сельджуков. Набрал силу в степях Центральной Азии, они двинулись в Индию, Иран и Месопотамию и вдохнули новые силы в умиравший халифат. В Багдаде они провозгласили себя правой рукой халифа, который в 1056 г. даровал их вождю Тогрул-Беку титул султана и «Предводителя правоверных» в халифате и других странах, которые предстояло завоевать.

Турки двинулись на запад, разгромили в 1071 г. византийцев при Манцикерте (Маназкерте) и заняли всю Малую Азию, почти до Константинополя. Часть их орд повернула на юг, прошла через Сирию и Палестину и разбила египтян, которые удержали здесь только прибрежные города.

Центром завоеванных сельджуками земель оставался Иран, и резиденция султана располагалась в городе Рей близ Тегерана. Но вновь образованная империя просуществовала едва ли одно поколение. Провинции, хотя и провозгласили багдадского халифа как единственного законного «Предводителя правоверных», а султана как их верховного правителя, быстро раскололись на независимые государства. Малая Азия, Сирия и Палестина представляли собой мозаику небольших, постоянно воевавших друг с другом эмиратов. В это время армии 1-го Крестового похода достигли Малой Азии и после победы над турками в битве при Дорилее (1097) вошли в Сирию и Палестину.

Глава 2

Крестовый поход

Паломничество, военный поход, священная война, колониальная война, мощное миграционное движение – обо всем этом любой историк или публицист может говорить применительно к крестовому походу. При этом выбирают тот аспект, который в наибольшей степени соответствует духу времени. Независимо от того, превозносят или проклинают крестовые походы, о них часто говорят как о зловещем заговоре папизма, о том, что крестоносцы были движимы плохо скрываемым чувством алчности и это был искусственно вызванный массовый психоз, но в то же время это было масштабным предприятием по воплощению в жизнь возвышенных идеалов, коллективным покаянием и мессианским движением, которое ведет человечество к дню Страшного суда и навстречу Царству Небесному.

Большинство этих взглядов не ново. Немецкие хронисты с чувством ужаса описывали сборы армий 1-го Крестового похода (1095–1099). 50 лет спустя, после неудачного завершения 2-го Крестового похода (1147–1150), уже было немало тех, кто усомнился в божественности его планов. 3-й Крестовый поход (1187–1190) был подвергнут критике за его несоответствие основным положениям учения христианства. 4-й поход (1202–1204), закончившийся завоеванием и разграблением христианского Константинополя, вызвал настоящий шок в христианском мире. В XIII в. усилились оппозиционные настроения; решительный протест и язвительную критику можно было услышать от богословов и сторонников пацифизма, трубадуров, государственных деятелей, миссионеров, купцов и даже от францисканских и доминиканских монахов. Доминиканец Гумберт Романский (умер в 1274 г.), страшившийся возможного вторжения мусульман в христианскую Европу (что и произошло два столетия спустя, когда возвысилась Османская империя), дал гневную отповедь всем своим оппонентам, говоря о том, что «цель церкви не наполнить собой Землю, но пополнить Небеса» (имелось в виду мучениками). Только папство не испытывало никаких сомнений, будучи упорным приверженцем выдвинутой им самим идеи в течение двухсот лет.

Почему вопрос крестовых походов является одной из самых сложных проблем исторического исследования? Выглядит сомнительным, чтобы какой-либо человек, общественный институт или идеология могли непосредственно послужить отправной точкой крестовых походов. События в различных сферах жизни в то или иное время и в различных странах подготовили христианский мир к 1-му Крестовому походу. Политика пап соединила все эти элементы и создала движение, имевшее свою цель, место и время.

Определенные материальные предпосылки дали возможность крестовым походам состояться. Трудно даже представить масштабы возможной миграции в Европе, которая была бы сопоставимой с Великим переселением народов, не будь большого запаса рабочей силы в конце XI в. и в следующие двести лет. Хотя причины демографического взрыва или, по крайней мере, беспрецедентного роста населения в течение этого века не получили убедительного объяснения, сомнений в этом факте почти что нет. Резкое увеличение численности сельского населения в Европе XI в. вело к значительной внутренней колонизации. За два столетия леса были вырублены, болота осушены и основаны тысячи новых деревень. Интенсивная хозяйственная деятельность сопровождалась перераспределением наделов земли для одной семьи. «Белая мантия церквей и монастырей», что покрыла Европу уже к середине XI в., обратила на себя внимание бургундского хрониста Рауля Глабера. Прирост населения привел к образованию новых городов и настоящей революции в урбанизации в XII в. Избыточное сельское население начало играть большую роль в обществе, и сельское хозяйство могло снабжать своей продук-

цией тех, кто не получал своих доходов непосредственно от земли, например ремесленников и купцов.

В некоторых областях процесс колонизации служил не только чисто экономическим целям. Германская колонизация славянских земель имела политический подтекст, и экономическое продвижение на Восток (*Drang nach Osten*) создавало предпосылки для будущей экспансии. Тот же самый избыток людских ресурсов в Европе давал возможности для организации крестовых походов, хотя он и не был их причиной.

Эволюция и трансформация класса военной аристократии в западном христианстве не была связана с основным направлением европейского развития в XI в. Начало этого процесса относится к раннему периоду господства Каролингов, когда новый тип социальной связи – тесной и непосредственной между сеньором и вассалом – покончил с чувством неуверенности, проявившейся после окончательного исчезновения римской администрации и прекращения действия первых племенных германских конституций. Новая социальная иерархия потребовала создания класса профессиональных воинов из среды простых людей. Как представляется, наследственный класс дворянства сформировался только в XI в., так же как и негласный кодекс поведения дворянина. В процессе своего дальнейшего существования этот кодекс получил признание церкви, и это стало поворотным моментом в его развитии. Не признававшая в принципе кровопролитие, церковь не давала на это своего благословения, пока традиционное военное соперничество не получило оправдания высокими идеалами. Чтобы быть достойным своего положения, солдат должен был считать себя воином Христовым (*miles Christi*). У воина-германца, которого отличали военное искусство, храбрость и верность, в его новом качестве появилась обязанность защищать всех слабых и угнетенных и саму церковь. Родился идеал христианского рыцарства. Древняя церемония посвящения в рыцари теперь проводилась под знаком креста. Молитвенное бдение и пост готовили молодого рыцаря к исполнению будущих обязанностей. Оружие, которое ему вручали, благословлялось священником, который прочитывал соответствующую молитву-благословение. Обряд посвящения в рыцари отпрыска знатного рода становился для него вторым крещением.

Не подчинявшаяся никому буйная каста военных, своеволие которой стремилось обуздать пользовавшееся поддержкой церкви Движение за Мир Божий (первая половина XI в.) во Франции, королевстве Капетингов, теперь стала столпом общества. От них ожидали, что они станут гарантом мира и безопасности. Их братоубийственную вражду осуждали церковь, монарх и общественное мнение. Эта каста нашла выход своей энергии в крестовых походах. Рыцари и дворяне получили на борьбу с неверными санкцию церкви.

В то время как европейская аристократия проходила через этап глубокой трансформации, целью которой было превращение ее в основную силу борьбы с исламом, в христианском мире проявилась еще одна тенденция. Не все ее аспекты, зачастую связанные с Клунийской монастырской реформой и реформой папства, имеют непосредственное отношение к нашему повествованию. Тем не менее движение в целом способствовало созданию климата, благоприятного для идеи крестовых походов.

Наиболее ярким свидетельством возрождающейся духовности в XI в., начало чему положило аббатство в Клуни, было покаянное паломничество. Это был достойный акт покаяния для благочестивого и набожного паломника, особенно в XI в., когда оно стало коллективным. Первое тысячелетие христианства завершилось. Многие ожидали наступления 1000 или 1033 г. (в тысячелетнюю годовщину распятия Богочеловека), который должен был открыть новую эру в истории старого мира. Некоторые ожидали Страшного суда и второго пришествия Христа. Время шло, и ничего не менялось, но ожидание оставалось. Человечество ощущало бремя греха более явственно. Природные бедствия становились, казалось, более многочисленными. Голод, наводнения, болезни усугубляли чувство подавленности и объяснялись как знаки судьбы. О драматическом противостоянии папства и империи во время конфликта по поводу

инвеституры говорили как о происках Антихриста. Многие оставляли мир и уходили в монастыри в надежде на личное спасение. Другие откликались на призывы странствующих проповедников к покаянию и возвращению к евангелической бедности, к *Vita Apostolica* – жизни первых апостолов. Для поколения, которое со страхом ожидало дня Страшного суда, покаяние стало выражением благочестия. Паломничества к святыням из акта индивидуального благочестия превратились в акт коллективного покаяния. Сотни людей, представители всех слоев общества, как священники, так и миряне, отправлялись в коллективные паломничества, в том числе и в Святую землю.

Эти разрозненные события могли и не привести к формированию единого большого движения. Сам исторический процесс и гений папы римского свели их вместе. Приблизительно за десять лет до начала крестовых походов император Византии (Восточной Римской империи) обратился к Западной Европе за помощью. В условиях постоянной угрозы вторжения сельджуков император Алексей Комнин запросил поддержки у графа Фландрии Роберта. В ответ на его обращение небольшой отряд европейских рыцарей был направлен в Константинополь. Это, видимо, имело положительные последствия, поскольку в 1095 г. император снова повторил свою просьбу. На этот раз это было сделано через его послов на церковном соборе в Пьяченце, на котором председательствовал папа римский. Послы рассказали о сложившейся опасной ситуации на христианском Востоке и предупредили о том бедствии, что ожидает западную церковь и христиан, в случае если ислам завоюет империю. Несмотря на то что, объективно говоря, положение Византии было более стабильным, чем поколение назад, послы в попытке добиться помощи нарисовали, как представляется, довольно мрачную картину.

Папа Урбан II пошел послам навстречу. Нет причин сомневаться в его искренней озабоченности положением христиан на Востоке, хотя папство и преследовало своекорыстные цели. В середине столетия Великая схизма расколола церковь на западную и восточную. Конечно, существовали незначительные расхождения в вопросах догматики, литургической и религиозной практики. Но основная проблема заключалась в непризнании первенства папы со стороны константинопольского патриарха. Отношения между Римом и Константинополем были прерваны со времени понтификата Льва IX и правления греческого патриарха Михаила Керулария (1054). Урбан II увидел в просьбе императора шанс объединить две церкви и восстановить главенство римо-католических понтификов. Эта идея не была новой. Поколением раньше она уже была выдвинута великим папой Григорием VII. В своем известном послании к императору Генриху IV в 1074 г. этот папа сообщал о своем намерении организовать поход армии Запада на Константинополь. Более того, он предложил себя в качестве ее командующего с целью вернуть собор Святой Софии. Тем самым Византия была бы спасена, раскол излечен и папа был бы признан верховным главой христианского мира. Такая важная победа, несомненно, имела бы большой отклик на Западе. Традиционная обязанность римских императоров – защита христианства, идея, появившаяся при дворе Карла Великого и унаследованная его преемниками на троне, перешла бы к папе римскому. Такое впечатляющее событие могло бы погасить конфликт, связанный с инвеститурой, который раздирает Европу.

С такими мыслями папа отправился из Италии во Францию, медленно путешествуя по южным провинциям, пока не прибыл в Клермон в Бургундии, где и созвал собор (1095). Основной его задачей было реформировать французскую церковь. Предстояло также решить трудный вопрос, как поступить в деле с французским королем Филиппом I, лишенным причастия за внебрачное сожитие.

Папа ехал через земли, которые некоторое время имели связи с христианской Испанией. Осознание мусульманской угрозы и необходимости Священной войны против неверных было всеобщим. Испанская Реконкиста, борьба за освобождение от власти мусульман, нашла сторонников во Франции, и французские рыцари и дворяне из Прованса и Лангедока уже участвовали в военных походах в эту страну. Поэтому вполне возможно, что Урбан II, находившийся

под впечатлением встречи с византийскими послами в Пьяченце, уже пришел к определенному решению на своем пути в Клермон.

Сам собор стал довольно заурядным мероприятием, совсем не таким, как его описывали хронисты после успеха 1-го Крестового похода. Заседания собора посетили некоторые французские прелаты и местная знать. Блестали своим отсутствием прелаты из владений Капетингов, которым Филипп I воспрепятствовал приехать в Клермон. Только в самый последний день собора (27 ноября) Урбан II поставил вопрос о крестовом походе. Ирония истории заключается в том, что его эпохальная речь не сохранилась, и мы вынуждены реконструировать ее текст по нескольким более поздним вариантам, некоторые из которых были написаны уже во время крестового похода. Урбан II призвал рыцарей Запада, особенно Франции, отправиться в поход на Восток. Он особенно остановился на мусульманской угрозе и опасном положении христиан Востока, обратившись к мужественному и воинственному Западу с призывом собрать свои силы для их спасения. Но при этом Урбан II так и не упомянул о просьбе византийского императора. Константинополь уже перестал быть основной целью похода, речь теперь шла об освобождении Святой земли, Иерусалима и Гроба Господня от ига неверных. Эта новая цель стала поворотным моментом в европейской истории. Призыв спасти Константинополь и восточных христиан был бы воспринят с полным равнодушием, и он не смог бы воодушевить народные массы, чего, собственно, и достиг Клермонский собор. Очень немногие знали о Константинополе, и еще меньше им интересовались. Но Иерусалим и Гроб Господень были теми словами, что в течение тысячелетия звучали в каждой часовне, в каждом храме и монастыре. Повторяемые в каждой молитве, эти наименования были живой реальностью. Человек мог не знать названия соседней провинции, но Иерусалим, Вифлеем и Назарет были частью его религиозной жизни и образования.

Ответ был неожиданным и всеобщим. Плотины, сдерживавшие эмоции, рухнули, и могучие потоки веры напоили засохшие души. Проповедники, официальные и самозванцы, путешествовали по стране и призывали людей освободить Святую землю. Не только Гроб Господень должен был быть освобожден из-под власти неверных, но необходимо было спасти самого Христа, пленника мусульман, чтобы Он воссиял во славе.

Зов Клермона был услышан в тиши монастырей и в торжественных кафедральных соборах, в величественных замках и жалких лачугах нищих крестьян. На него откликнулись десятки тысяч человек. Причины у каждого из них и у каждого класса были различны. Воинственные дворяне смотрели на крестовый поход как на возможность дать выход своей энергии и найти применение своему военному мастерству. Сражаться с неверными было не только обязанностью дворян, но того желал сам Господь. Высшее духовенство понимало, что это был путь спасения. Урбан II обещал отпущение грехов всем, кто возьмет свой крест. Орудие Христовых Страданий, крест, стал эмблемой Его воинов, намеренных освободить Спасителя и место Его земного воплощения. Поход в Иерусалим был военным паломничеством; это был очистительный акт покаяния для тех, кто достиг цели, ну а те, кто пал в пути, были увенчаны славой мученика. Для людей, недовольных своим положением, что были во всех классах общества, крестовый поход представлялся дорогой к лучшему будущему. Благородная знать мечтала о княжествах, замках и земельных владениях, а негодяи, которых хватало, – только о добыче. Более того, крепостной крестьянин получал свободу, если присоединялся к армии крестоносцев.

Религиозное рвение было характерно не только для представителей высших классов, и среди простого люда мессианское чувство достигло своего пика. Год спустя после Клермона и задолго до того, как аристократы закончили подготовку к походу, по всей Франции начали хаотично появляться крестьянские армии, которые выдвигались в долины Рейна и Дуная. Иногда их возглавляли местные рыцари, хотя чаще всего крестьяне выбирали вожаков в своей среде. Одно такое воинство выпустило взятую с собой утку, которая была в Средневековье символом

колдовства, чтобы узнать направление своего движения. Считалось, что иметь командиров – дело ненужное. Ведомые Богом (*Deo duce*), они отправились в путь вместе с женами и детьми, погрузив на телеги свой жалкий скарб. Покинув свои родные места и оказавшись в незнакомой провинции, каждый раз при приближении к новому городу они обычно спрашивали, не это ли «Небесный Иерусалим».

Возродилась древняя вера о бедных во Христе, из которых образовалась первоначальная христианская община в Иерусалиме. Под влиянием экстатичных проповедников, стремившихся спасти души и изменить мир, подобно апостолам оставивших мир, чтобы жить в бедности и во Христе, в народе верили, что только бедные войдут в Царствие Небесное. Только самым бедным была дана возможность войти в эту общину избранных с одной-единственной молитвой: «Да приидет Царствие Твое».

Дух авантюризма, набожность, алчность и другие присущие людям страсти обуревали это движение. Когда собрались первые отряды, они начали двигаться на восток. Массовый психоз и давление со стороны общества привлекали все больше новобранцев, и небольшие отряды превращались в армии. Как уже было замечено раньше, первыми в движение пришли крестьяне. Их переход через Рейн и дальнейшее продвижение вдоль Дуная сопровождалось самой массовой и ужасной в европейской истории резней евреев, которой не было подобных вплоть до нашего времени. Еврейские общины в прирейнских землях, существовавшие с древнеримских времен, еще до того, как там осели германцы, были безжалостно уничтожены. Здесь и там епископы по убеждениям или за взятку защищали еврейские общины, но, за небольшими исключениями, это не помогло. Было вполне естественным для того, кто собирался сражаться с неверными за пределами страны, начать с наведения порядка в собственном доме! Общину за общиной ставили перед выбором: апостасия или смерть. Одних евреев крестили насильно; другие, под угрозой смерти, соглашались быть окропленными святой водой; кто-то выбирал мученичество, вдохновляясь преданием об Анне и ее семи сыновьях (2-я кн. Маккавеев, 7) и последним героическим противостоянием Израиля против римлян в Масаде¹. Даже несмотря на наш век, видевший холокост миллионов, нельзя не ужаснуться, читая еврейские хроники того времени. Отцы убивали своих жен и детей, а потом и себя, принося всех в ритуальную жертву, чтобы избежать осквернения от рук неевреев. Этот невиданный погром, уничтоживший все еврейские общины и их учебные заведения, положил начало трагическому тысячелетию. Это был «Судный день 1096 г.», как он был назван в еврейских источниках (*Gzeroth Tatnu*); событие это никогда не изгладится из памяти еврейского народа. Виновниками его были те, кто пошел освобождать Святую землю, основывая свою веру на еврейских священных книгах, освобождать гробницу Бога любви и всеобщего мира.

Этот первый поход закончился катастрофой. Не управляемые никем орды вскоре где-то в Богемии (Чехии) остались без провианта, и начались грабежи. Они были практически полностью перебиты местным населением Венгрии и византийского Балканского полуострова. Очень немногие вышли к побережью Босфора². Чешский хронист Козьма Пражский (скончался в 1125 г.) считал, что они были уничтожены праведным гневом Божиим и что это было отмщением за чудовищную резню евреев.

Тем временем четыре большие армии собирались во Франции: норманнская, англо-норманнов которой возглавил герцог Роберт Нормандский, фламандцев – граф Фландрии Роберт и Стефан Блуаский; дворяне Северной Франции и Западной Германии под началом Готфрида Бульонского; отряды из Прованса под командой графа Тулузского Раймунда IV де Сен-Жиля; и норманны из Италии Боэмунда и Танкреда. Папский легат Адемар, епископ города Ле-Пюи,

¹ В 66–73 гг. н. э. во время I Иудейской войны – основной оплот иудеев. После взятия Масады ее защитники покончили жизнь самоубийством. (*Здесь и далее примеч. ред.*)

² Некоторые крестьянские отряды к лету 1096 г. дошли до Константинополя и переправились в Малую Азию, в октябре 1096 г. эти поредевшие отряды были под Никеей наголову разбиты сельджуками.

был своего рода главнокомандующим. Северяне избрали сухопутный маршрут, по которому ранее прошли участники народного крестового похода; южане частью двинулись через Иллирию, частью – переправились через Адриатическое море и высадились на Балканском полуострове. К весне 1097 г. они достигли Константинополя.

Прибытие таких «помощников» едва ли подбодрило византийцев. В Пьяченце Византия просила о присылке отряда славных европейских рыцарей. А получила *grande armee*, которая разграбила все провинции на подходе к Константинополю, подожгла пригороды и проявила заносчивость и страсть к военной добыче, что не предвещало ничего хорошего. Византийцы не могли не заметить, что в этом воинстве были итальянские норманны, которые несколькими годами раньше пытались вторгнуться в их провинции на Балканском полуострове.

Последовали продолжительные переговоры между императором и крестоносцами. Император требовал если и не верховного командования, то, по крайней мере, гарантий, что эти армии не будут сражаться сами по себе. Его позицию подкреплял тот факт, что крестоносцы нуждались в проводниках и запасах провианта, чтобы пересечь всю Малую Азию – еще недавно бывшую византийской провинцией, а теперь захваченную сельджуками, – а затем достичь Сирии и Святой земли.

По окончании сильно затянувшихся переговоров одни командующие армиями принесли присягу в верности, другие прошли через торжественную церемонию оммажа. Были приняты требования Византии на получение своей части завоеванных территорий. Со своей стороны император обещал предоставить крестоносцам проводников и снабдить армии продовольствием. Никто не был удовлетворен, и все не доверяли друг другу. При таких неблагоприятных обстоятельствах войска 1-го Крестового похода были переправлены через Босфор в Малую Азию. Император мог вздохнуть свободно, а крестоносцы наконец-то столкнулись лицом к лицу с неверными. В известном сражении при Дорилее (ныне Эскишехир) в июле 1097 г. сельджуки потерпели поражение. Их недавно завоеванные земли в Малой Азии стали легкой добычей для крестоносцев.

Большие потери личного состава и невероятные мучения сопутствовали крестоносцам на протяжении всего перехода через засушливые пустынные районы Малой Азии. Армия разделилась, перевалив через горы Тавр и выйдя в Южную Киликию. Одна ее часть под командованием Балдуина, брата Готфрида Бульонского, быстро двинулась на восток к Евфрату, где в Эдессе армянские христиане просили о помощи. Большая часть армии пошла в южном направлении вдоль побережья Сирии.

Прибрежные города закрывали свои ворота перед крестоносцами, которые, однако, не встретили серьезного сопротивления, пока не достигли столицы Сирии Антиохии. Тяжелая и длительная осада закончилась в июне 1098 г. взятием города после предательства одного из своих командиров. Это было поистине чудом, поскольку большое войско сельджуков находилось уже в нескольких днях перехода от столицы. Вчерашние осаждавшие оказались сразу же в роли осажденных в только что захваченном ими городе. Их запасы продовольствия закончились во время осады; людей косили голод и болезни. Ситуация была критической, и крестоносцы вполне могли найти в Антиохии свою могилу. В момент наивысшего отчаяния было чудесным образом «обнаружено» Святое копьё, которым тысячелетие назад якобы было прободено тело Распятого Христа³. Воодушевленные этим видимым знаком Божественной воли, крестоносцы совершили вылазку и разгромили превосходящие силы осаждавших город сельджуков. Антиохия была освобождена, и уже не было силы, которая могла бы преградить дорогу на Иерусалим.

В этот момент все скрытые до сих пор амбиции и завистливое соперничество вышли наружу. Это была опасность не меньшая, чем угроза со стороны мусульман. Это было мораль-

---

³ К прованскому священнику Петру Варфоломею явился святой Андрей, указавший, где зарыто копьё.

ное банкротство, что привело к распаду армий. Командование оставило Антиохию, и их отряды начали совершать рейды по территории вражеской страны; каждый командир пытался захватить для себя часть земель и сделать их своим владением. Некоторым это удалось, большинству же помешали это сделать друзья или враги. Войско, если таковое и было, пыталось выиграть время в Сирии. Казалось, что Земля обетованная находилась на реке Оронт, а не в гористой Иудее. Исчезли мессианские мечты и надежды на Новое Царство. Идеалы крестового похода были забыты, и начали властвовать самые низменные желания. В условиях духовного кризиса среди руководства проявили себя низы. Больше всего беднейших крестьян в войске крестоносцев, которые по крайней мере умели лучше выражать свои мысли, было в армии Прованса. Брожение среди них привело к бунту, и вождям уже грозило народное восстание. Была оставлена Северная Сирия, и поход на Иерусалим был продолжен, в противном случае стены Антиохии были бы разрушены, а город сожжен. Это был глас истинных крестоносцев, в их умах, в основном простого народа, были безнадежно смешаны представления о земном и Небесном Иерусалиме. Остатки армии вели фанатики, которые сражались в пешем строю без щитов и какой-либо защиты; они верили, что их жизни находятся в руках Провидения. Они не только безжалостно убивали своих врагов мусульман, но даже ели их плоть. Этот народный элемент снова возжег искру энтузиазма.

Ультиматум отрезвил командующих, и армия продолжила движение на юг, задержавшись только в Триполи, напрасно понадеявшись на легкое завоевание ливанских городов. Оттуда армии направились в Иерусалим. Пройдя через Святую землю и оставив в стороне прибрежные города Ливана, удерживаемые египтянами, они миновали города Кесария и Яффа и остановились в Рамле, которую оставили мусульманские жители, а затем, перевалив через горы к середине июня 1099 г., появились под стенами Иерусалима.

Глава 3

Завоевание и установление новой власти

Еще до того, как крестоносцы устремили свои взоры на стены Иерусалима, сложилась новая карта Ближнего Востока. Их победоносный поход через Малую Азию разрушил державу сельджуков, которая угрожала Константинополю. В результате побед «франков» (крестоносцев Франции и других стран) Византийская империя отвоевала свои потерянные территории и вновь отодвинула свои границы от побережья Эгейского моря до гор Тавра.

В горах Тавра армяно-христианские общины, избавленные от угрозы со стороны мусульман, заложили основы своего будущего царства Малая Армения.

Вне этого горного района в Сирии крестоносцы основали княжество Антиохия. К востоку от него Балдуин, будущий король Иерусалима, основал в Эдессе на Евфрате армянское княжество, которым начали править франки.

Далее к югу, на побережье Ливана, армия крестоносцев создала плацдарм, на котором впоследствии появилось графство Триполи. В итоге 15 июля 1099 г., после пяти недель осады, крестоносцы взяли штурмом Иерусалим⁴, сломив сопротивление его египетского гарнизона. В последовавшей затем трехдневной резне защитников города мусульман и евреев погибли от 20 до 30 тысяч жителей. Благодарственные молитвы возносились в притихшем Иерусалиме, смердевшем от разлагавшихся трупов, среди сожженных мечетей, синагог и домов горожан.

Взятие Иерусалима завершило эпический 1-й Крестовый поход, продолжавшийся три года. Победоносная армия достигла заявленной цели: Гроб Господень был освобожден из-под власти мусульман. У крестоносцев уже была столица, королевство еще предстояло создать. Судьба окруженного со всех сторон мусульманами нового государства все еще находилась на чаше колебавшихся весов. Собери мусульмане достаточные силы, и с малочисленными поселениями латинян было бы покончено. Однако в этот критический момент мусульмане не смогли скоординировать свои усилия. Соперничество между Дамаском и Каиром делало невозможным совместное наступление на латинян, а Иран, где находился центр сельджукской державы, был расположен слишком далеко, чтобы осуществлять эффективный контроль своих вассальных сирийских эмиратов.

Воспользовавшись почти полным параличом власти мусульман, который наступил после шока, вызванного их поражением, крестоносцы сумели организовать полноценное королевство со столицей в Иерусалиме менее чем за десять лет. Иерусалим в сердце горной Иудеи не мог рассчитывать на помощь крепостей латинян на севере, удаленных на расстояние сотен миль. Образовавшиеся в Антиохии и Эдессе колонии франков должны были в сражениях отстаивать свою независимость и не могли предоставить помощь ни людьми, ни вооружением. Выживание Иерусалима зависело от того, сумеет ли он захватить порты на средиземноморском побережье и установить непосредственную связь с христианскими флотами и Европой.

Во время своего похода на Иерусалим крестоносцы наступали из Кесарии в направлении Рамлы. Приближение франков вызвало среди мусульман панику, и они оставили Яффу и Рамлу, которые были сразу же захвачены крестоносцами. Легко справившись с небольшими гарнизонами в этих двух стратегических городах, они обеспечили безопасность коммуникаций между Иерусалимом и побережьем. Путь в Рамлу из Яффы, шедший по плодородной долине Шарон, оставался небезопасным в течение более десяти лет. Пройти через горные проходы

---

⁴ Незадолго до этого египетский флот истребил или захватил весь генуэзский флот, который вез осадные средства и снабжение для войска крестоносцев. Только один корабль с осадной техникой и материалами прорвался, что дало возможность успешно провести штурм 15 июля 1099 г. А перед этим, 8 июля, крестоносцы совершили крестный ход вокруг города, после чего их силы словно утроились.

Иудеи по дороге из Рамлы, хотя на ней не было никаких мусульманских крепостей, через ан-Наби-Самвил (Наби-Самуэль) (название стало боевым кличем крестоносцев) было невозможно без воинского сопровождения. При наличии эскорта купцы и пилигримы могли путешествовать в Иерусалим и обратно. Слишком поздно египтяне и сирийцы осознали важность этой дороги между Иерусалимом и Яффой, и время было упущено. На протяжении следующих шести лет (1099–1105) мусульманские нападения на Рамлу и окружающие ее районы опустошали всего лишь центральную часть страны. Тем временем крестоносцы продолжали получать подкрепления из Европы. Их было меньше, чем ожидалось, но достаточно для того, чтобы предотвратить падение латинских поселений.

Могло показаться, что накануне крестовых походов имели укрепления только побережье Палестины и его приморские города. Вдобавок несколько замков охраняли главный путь из Дамаска в Моав и Идумею, который соединялся с дорогой в Мекку в Хиджазе в Аравии и дорогой через пустыню Синая. Среди гор и холмов Палестины, в которую входили Иудея, Самария и Галилея, по-видимому, не было каких-то крепостей и оборонительных сооружений.

Поняв, что внутренние области страны были почти беззащитны, Танкред повел своих воинов на север и взял Наблус в Самарии и Бейсан, там, где река Иордан пересекает Йизреэльскую долину⁵. Продвинувшись далее к северу, он захватил Тиверию на берегах Тивериадского озера. Так, одним ударом, он создал вдобавок к королевству новое княжество Галилея. Танкред попытался овладеть Хайфой (в то время небольшим портом, хотя здесь и располагалась известная верфь Фатимидов), чтобы иметь выход к морю для своего княжества. Его намерениям воспрепятствовал Балдуин I, король Иерусалима, который даровал лен Хайфа в 1100 г. одному из своих приближенных. Потерпев неудачу на западе, Танкред попытался компенсировать ее на востоке. Отважный норманн из Сицилии, имея под своим началом не более 80 рыцарей, пересек Иордан и проник на плодородное плато на южной оконечности Ливанского хребта. Предприняв оттуда несколько вылазок в поисках фуража, он оказался в итоге в южной житнице Дамаска. Не имевшая защиты сельская местность, богатая зерном и скотом, постоянно подвергалась грабительским набегам. В сирийской метрополии резко поднялись цены на продовольствие и появились первые признаки его нехватки. На этом никем не обороняемом поле битвы Танкред добился главной политической, если не военной, победы. Правители Дамаска были вынуждены признать, что новая власть на Ближнем Востоке крепнет и намерена там остаться. Им пришлось вступить в переговоры с франками и пойти на необычное соглашение. Голан, то есть земли, находившиеся к востоку от Тивериадского озера и к югу от Дамаска, стали частью некоего кондоминиума. Обе стороны согласились не строить укрепления в этой области, но поделить получаемые здесь доходы: треть шла Дамаску, треть – франкам и еще одна треть – феллахам, то есть крестьянам, обрабатывавшим землю. Это соглашение, несмотря на то что его несколько раз нарушал Дамаск, который даже постарался захватить Моав и Идумею, расположенные на юге, оказалось наиболее длительным среди всех франкских договоренностей. Дамаск со временем понял, что иметь своими соседями франков гораздо безопаснее, чем мусульман, которые постараются «спасти» его от неверных, чтобы самим стать хозяевами. К двадцатому году существования Франкского королевства соглашение, принятое под давлением, стало краеугольным камнем политики Дамаска. Довольно любопытно, что оно оставалось в силе, даже когда в середине столетия Дамаск пал в результате объединительной политики Нур-ад-Дина и вплоть до разгромного поражения крестоносцев в битве при Хаттине в 1187 г. Основание княжества Галилея было результатом индивидуального предприятия. Его быстро присоединил к своим владениям Балдуин I, когда Танкред оставил страну, чтобы принять на себя обязанности регента на время нахождения в плену своего родственника Боэмунда, князя Антиохии.

⁵ Долина небольшой реки Харод, впадающей с запада в реку Иордан (в верховьях которой находится Йизреэль).

Тем временем крестоносцы продолжали наносить удары по прибрежным плацдармам. Яффу и Хайфу франки захватили еще до восшествия на престол в 1100 г. Балдуина I. Побережье было просто усеяно городами. Одни из них, такие как Арсуф, были не более чем простыми рыбацкими портами; другие, как Кесария, уже потеряли свою былую славу. Были расположены здесь также и важнейшие центры торговли, как Тир и Акра с искусственными гаванями, построенными еще во время правления династии Тулунидов в IX в. Естественный залив Акры имел надежную якорную стоянку, что было важно, потому что на побережье страны не было гаваней. Город лежал на перекрестье дорог: одна шла с севера на юг вдоль берега моря, вторая вела к Йизреэльской равнине и в Галилею и Трансиорданию.

Завоевание побережья оказалось трудной задачей для королевства, которое заполучили конные рыцари и пешие воины. У них не было практически никаких осадных средств для захвата этих приморских городов, в которые по морю можно было бы поставлять продовольствие и подкрепления из Египта и Тира. Но тут вмешались в военные действия крепнувшие морские республики Италии. Некоторые из них, как Амальфи, имели давние связи с Восточным Средиземноморьем. Ее купцы часто заходили в порт Александрии и посещали городские базары. В третьей четверти XI в. они даже построили для себя церковь и странноприимный дом в Иерусалиме. Но начинался закат Амальфи, особенно явно это проявилось со времени завоевания ее норманнами. Молодые города шли на смену республикам, и самыми важными среди них были те, что не были прежде связаны с Левантом. Венеция, наполовину союзник и наполовину враг Константинополя, и частый гость в Александрии, колебалась вступить в опасную войну, которая могла бы подорвать прибыльную торговлю с мусульманским Левантом. Но Генуя и Пиза, чьи корабли курсировали вдоль побережья Западной Италии и у берегов Южной Франции, с надеждой смотрели на Восток, обещавший новые рынки сбыта и источники снабжения. Иногда отдельные предприимчивые купцы снаряжали корабли для торговли с Левантом; чаще строительство и снаряжение флота было делом совместных усилий горожан и церкви. Христианская вера, страсть к приключениям и обладанию невиданными богатствами имели своим следствием строительство крупных флотов, суда которых разворачивались в направлении Святой земли. Были заключены договоры между Латинским королевством и Пизой и Генуей, обещавшие последним богатые трофеи и особые привилегии в будущих завоеваниях. Немногим позже Венеция, которая обладала самым мощным флотом, связала свою судьбу с новыми государствами крестоносцев. Город Святого Марка не был равнодушен к пробирному клейму серебра.

Сотрудничество с итальянскими флотами склонило чашу весов в пользу крестоносцев. Египетский флот, который мог вполне успешно сражаться с европейцами, хорошо зная свои моря, побережья и ближайшие порты, так и не предпринял каких-либо серьезных действий. Его спорадические появления говорили об отсутствии решимости, и все немногие стычки на море заканчивались тем, что египтяне уходили на свою базу в Аскалоне. Подобная тактика была большой ошибкой египтян, которая стоила мусульманам восточного побережья и помогла окончательному установлению власти франков.

Каждый год, между Пасхой и поздней осенью, когда итальянские корабли приплывали из Европы (зима была опасным периодом для навигации), франкские армии начинали очередную кампанию и наносили удар по одному из портов, в то время как пришедшие итальянские суда блокировали его с моря. Через несколько недель осады города сдавались; их отдавали на разграбление, а население вырезалось. Только во втором десятилетии существования королевства произошли значительные изменения в подобной политике. Франкская знать, которая ожидала получить во владение свой феод в результате завоеваний, старалась предотвратить грабежи и резню горожан. Дворяне предпочитали обзавестись уцелевшими после осады городами вместе с их купеческим и ремесленным населением, а не грудями тлевших развалин.

Около 1100 г. все побережье за исключением двух городов было в руках франков. Тир на севере, с великолепной гаванью, держал осаду вплоть до 1124 г. На юге египтяне превратили Аскалон, постоянно угрожавший Иерусалиму, Рамле и Яффе, в неприступный оплот. Аскалон оставался мусульманским до 1153 г.

В середине 1120-х гг. крестоносцы, видимо, определили свои военные цели и стратегическую политику экспансии и выхода на природные границы. Палестинские реки, как правило, не служили границами. Даже Иордан можно было легко перейти в нескольких мелководных местах, а южные и юго-восточные части страны, сожженные солнцем и крайне засушливые, вообще не имели рек. Крестоносцы избрали в качестве естественной границы пустыню. За исключением северо-запада, где дорога между морем и горами Ливана связывала королевство Иерусалим с франкским графством Триполи, и запада, где стеной служило море, крестоносцы провели свои границы по линии, разделявшей пахотные и населенные земли и пустыню. Как уже упоминалось, земли между Тивериадским озером и Дамаском, библейские Голан и Башан, оставались демилитаризованной без всяких укреплений территорией, которая находилась в совместном владении франков и Дамаска. На юге крестоносцы нашли союзников среди местных христиан и заложили основы Франкского княжества, манор Трансиордания. Предусмотрительно укрепив древние города и построив новые оборонительные сооружения вблизи источников вдоль известной дороги, они превратили все земли от Аммана до Акабы во франкские владения. Вклинившись между Дамаском и Египтом, они стали серьезным, а возможно, и непреодолимым препятствием для прямых связей между Сирией и Египтом. В то же время новые франкские замки контролировали один из основных транспортных и торговых путей в исламском мире.

С основанием манора Трансиордания франкские границы приблизились к самой пустыне, тем самым препятствуя сосредоточению мусульманских войск на восточном фланге. Сложная система замков и гарнизонов, построенных франками, была нацелена на создание надежной границы, которая могла защитить от любой попытки вражеского нападения с востока. Со временем сложился своеобразный образ жизни в этих отдаленных и пустынных районах востока. Франки нисколько не желали препятствовать торговле и паломничеству. Они предпочитали извлекать доход, обеспечивая безопасность прохождения мусульманских караванов и выделяя для них вооруженное сопровождение.

В то время как продвижение на восток и создание там укрепленных границ было делом довольно простым, поскольку этому не было активного вооруженного сопротивления, на юго-западных границах страны сложилась иная ситуация. К югу от Яффы прибрежные дюны продвинулись вглубь суши на значительное расстояние со времени ухода византийцев. Там не было ни одного значительного поселения. Далее к югу продолжали существовать только древние города Аскалон, Газа и Рафах. Они жили за счет узкой полосы плодородной земли, расположенной за дюнами, прибрежной торговли и прибыли от прохождения караванов в Египет и в обратном направлении по северному пути через Синай. Месяц спустя после завоевания Иерусалима Аскалон едва не взяли франки. Напуганные одним видом армии франков, жители уже были готовы капитулировать; но тут между вождями крестоносцев вспыхнула ссора, и это придало новые силы оборонявшимся. Незначительный разлад стоил франкам 50 лет борьбы, чтобы поставить Аскалон на колени. Аскалон был на протяжении двух поколений занозой в теле королевства. Египтяне правильно понимали его значение. Это был населенный и хорошо укрепленный город у Синайской пустыни и вполне мог служить плацдармом, нацеленным против Латинского королевства. Запасы провианта и различного снаряжения, гарнизон и небольшая флотилия, базировавшаяся в порту города, делали его неуязвимым при скудных ресурсах крестоносцев. Египтяне приложили все свои силы, чтобы удержать город. Три или четыре раза в год они меняли гарнизон, привлекая свежие части для защиты мощных стен. Каждый родившийся в городе ребенок ставился на военное довольствие, гарантируя стабильность насе-

ления. Более того, Египет ежедневно снабжал Аскалон продовольствием, потому что постоянные набеги франков мешали ведению сельского хозяйства. Несколько франкских приступов провалились, хотя мусульмане оставили Газу и Рафах.

Существование мусульманского Аскалона давало о себе знать самым чувствительным образом. Хеврону и Вифлеему на юге грозила постоянная опасность быть захваченными. Равнина Рамлы на дороге из Иерусалима в Яффу стала ареной противостояния между Аскалоном и франками. Египтяне редко решались вступить в бой. Для них в худшем случае поражение означало потерю армии. Для франков каждая битва требовала привлечения всех имевшихся в наличии сил, оставляя Иерусалим, где оставалось духовенство, старики и старухи, на волю случая. Разгром означал потерю королевства.

Во время борьбы за Аскалон франки разработали новую стратегию. Непрестанные нападения франков на город разоряли сельские окрестности, но не могли заставить город ни капитулировать, ни поставить египетскую армию на колени. В итоге франки выработали новую стратегию, настолько же эффективную, как и необычную. Их основной целью было покончить с опасными мусульманскими рейдами на территории франков. Для этого они систематически блокировали все основные дороги из Аскалона на север и восток. Несколько замков взяли город в кольцо. Место древнего Элевтерополиса (Бет-Гуврин или Бейт-Джибрин Талмуда) было выбрано для строительства небольшой крепости (около 1136 г.), которая перекрывала дорогу из Аскалона в Хеврон и Вифлеем. Затем в 1141 г. были построены укрепления в Явниэле, известном по Талмуду, который французы называли Ибелин. Эта новая крепость закрыла дорогу из Аскалона на равнину Рамлы и в Яффу. В следующем году (1142) был возведен замок в Тель-эль-Сафи, переименованном в Бланшгард (Белая Гвардия), который перекрывал другую дорогу, которая шла из Аскалона в северном направлении. Укрепленные города Яффа, Лидда и Рамла и более мелкие замки Шато-Маэн (Бейт-Дажан) и Шато-де-Плен (Язур) между Рамлой и Яффой охраняли юго-западные рубежи королевства и ужесточали каменную хватку Аскалона.

Однако строительство изолированных замков в безлюдной местности создавало проблемы логистики. Крестоносцы решали их оригинальным способом. Они селили франкских фермеров в деревнях, построенных под защитой новых укреплений. Фермеры трудились на земле, снабжая гарнизоны продовольствием. Одновременно они несли воинскую повинность, и им была обещана часть военной добычи в случае боевых действий с мусульманами. Впоследствии эти укрепленные деревни стали самодостаточными образованиями, охранявшими полную опасностей границу и которые предоставляли людей для вторжения на вражескую территорию.

Падение Аскалона было, казалось, вопросом времени. К тому же в Египте возникли внутренние разногласия, которые парализовали все попытки спасти город. Осада Аскалона длилась восемь месяцев, и наконец город капитулировал в 1153 г. на условиях свободного выхода гарнизона и жителей. Египетский плацдарм пал, и теперь только пустыня отделяла Латинское королевство от Египта. Еще раньше франки укрепили свою оборону на этой границе, построив замок (в 1149 г.) на месте древнего и оставленного города Газа, где они и поселились. Позднее был возведен замок (1168) на окраинах пустыни в Даруме (Дейр-эль-Балах), который стал самым южным форпостом королевства. Франкский гарнизон охранял границу, и франкские чиновники взимали пошлины с караванов, шедших из Египта. Крестоносцы иногда совершали вылазки в пустыню, разрушив деревню в оазисе Эль-Ариш на дороге в Египет. Деревня была восстановлена, но не была укреплена, став ничейной землей между христианством и исламом. Великая пустыня, так франки называли пустыню между Газой и Акабой, оставалась самым верным стражем южных границ. Ту же роль играла пустыня, располагавшаяся к востоку от Пути пилигримов в Трансиордании.

Завоевание Аскалона и продвижение юго-западных границ непосредственно к самой границе пустыни являлось не только завершением периода завоеваний, но и апогеем территориальной экспансии королевства.

Прошло 50 лет между завоеванием Иерусалима и падением Аскалона (1099–1153). Взятие Аскалона в середине XII в., важный сам по себе факт, был не более чем запоздалый эпизод в эпической истории завоеваний. Латинские учреждения на Востоке пустили глубокие корни на сирийской и палестинской почве, сформировалась социальная структура и политический режим. Балдуин III, четвертый король Иерусалима (1143–1162), мог с удовлетворением взглянуть на свои границы, которые совпадали с границами Святой земли. За границами лежала пустыня, самая надежная из всех границ.

Но в то время, когда королевство достигло своего наивысшего могущества, в мусульманском лагере появились ростки нового. Громовые раскаты в безоблачном небе предвещали шторм, который разразился над королевством спустя поколение.

Нашей задачей не является пересказывать историю крестовых походов. Последующие страницы книги отражают основные события в истории королевства и служат хронологической подсказкой для освещения нашей основной темы – описания и анализа сообщества крестоносцев, его экономики, общественных институтов и культуры.

Королевство имело самую большую территорию при Балдуине III. В то же время мусульмане начали собирать свои силы на севере и вскоре стали угрожать границам и самому существованию латинского присутствия на Востоке.

Пререкания между мусульманами спустя два поколения ушли в прошлое, и единство было достигнуто под знаменем джихада, священной войны против неверных христиан. Попытки договориться предпринимались неоднократно и раньше. Их инициаторами выступали халифы Багдада, но в большей мере это было заслугой сельджукских эмиров Мосула. Нерешительные попытки объединить эмираты Месопотамии и Сирии заканчивались ничем, и все намерения создать общий фронт мусульман на севере и Египта Фатимидов на юге терпели провал. Многие из эмиров рассматривали призыв к священной войне как прямую угрозу собственной независимости, а не как серьезную попытку нанести поражение крестоносцам.

Чтобы осуществить джихад, о котором многие поколения до 1-го Крестового похода имели смутное представление, ислам нуждался в возрождении и в интеллектуальной и духовной подготовке, которые сделали бы призыв действенным. Эмир Мосула Имад ад-Дин Занги заложил основы движения, но только наследовавший ему Нур ад-Дин Махмуд Занги пожал плоды этого начинания.

Эмиру Имаду ад-Дину Занги (убит в 1146 г.) удалось взять верх над некоторыми эмиратами Верхней Месопотамии, прибегнув к силе, коварству и убеждению, а затем овладеть и эмиратами Сирийского плато, граничившими с княжествами крестоносцев на севере. Алеппо и Хомс открыли свои ворота, и после ряда боев крестоносцы отошли на левый берег реки Оронт. Мосул и Алеппо стали двумя ключевыми позициями в борьбе с крестоносцами. Однако не вся мусульманская Сирия была готова перейти под власть Занги, чему препятствовал Дамаск. Сирийская столица предпочитала «освобождению» союз с Латинским королевством. Несмотря на угрозы и интриги, Дамаск противостоял Занги почти на протяжении поколения (1130–1154). Это предотвратило конфронтацию на юге с Латинским королевством, но не помешало Занги захватить Эдессу в 1144 г., первое княжество, созданное христианами на Востоке еще до того, как участники 1-го Крестового похода достигли Иерусалима. Попытка отбить Эдессу (1146) была неудачна, и Нур ад-Дин Занги, преемник Занги, усилил давление на восточные границы Антиохии и Триполи. Так называемый 2-й Крестовый поход (1147–1149), который возглавили французский король Людовик VII и король Германии Конрад III, не только не смог восстановить Эдесское графство, но нарушил соотношение сил, сложившееся за пятьдесят

лет существования королевства. Ошибочное решение атаковать Дамаск (1148), единственного союзника крестоносцев среди мусульман, заставило его перейти на сторону Нур ад-Дина, который тем самым укрепил свои позиции от Месопотамии до Сирии и до южной оконечности Ливана на северной границе Латинского королевства.

Несмотря на территориальные потери и утрату чрезвычайно важного союзника, деятельность латинских учреждений не стала менее интенсивной. Положение северных княжеств стало более ненадежным, и вторжение Мануила Комнина поставило их на краткий период времени под управление Византии, но вот на юге открылись новые возможности. Завоевание Аскалона (1153) значило больше, чем разрушение последнего египетского бастиона в Святой земле. Египет, ослабленный внутренней смутой, стал добычей своих соседей мусульман и христиан. По просьбе визиря крестоносцы под началом короля Амори I (1163–1174) вторгались в Египет пять раз. Они никогда не проигрывали сражения, но проиграли войну. Знамена крестоносцев развевались над Каиром (1164), и франкские фискальные чиновники собирали подати и репарации, но все предприятие кончилось катастрофой. Нур ад-Дин, который был призван одной из соперничавших египетских партий, вступил в игру после некоторых колебаний. Крестоносец и сириец, каждый из которых имел своих сторонников, теперь соперничали в «освобождении» Египта. Исход был ясен. Крестоносцы, которые могли управлять Египтом хотя бы временно, не рассчитав своих сил, приняли решение завоевать страну. Даже самая решительная победа не могла бы гарантировать владычество франков на Ниле.

Неудачные попытки завоевать Египет стали поворотным пунктом в истории Ближнего Востока. Египетская авантюра ослабила франкское королевство, которое потеряло свою атакующую силу и даже политическую и военную инициативу. Более того, на Ближнем Востоке сложилась иная политическая и религиозная обстановка. Сирийские «освободители» Египта стали его хозяевами. Военачальник Нур ад-Дина курд Саладин положил конец шиитскому халифату Фатимидов (1171), и Египет попал под власть суннитского Багдадского халифата. Полная перемена политической сцены имела еще большее значение. Саладин тяготился своим положением сюзерена Нур ад-Дина, и напряженность в их отношениях порождала пассивность его действий, когда были предприняты половинчатые попытки наступления на королевство из Сирии и Египта. Смерть Нур ад-Дина Махмуда Занги (1174) предупредила открытый разрыв между сирийским сюзереном и его могущественным египетским вассалом. Саладин отправился из Египта в Сирию и укрепил свою власть, постепенно избавившись от всех родственников и бывших сателлитов Зангидов. Спустя почти десять лет новая династия Айюбидов уже контролировала всю Сирию. Дамаск был взят в 1174 г., но Алеппо держался до 1183 г.

Приход Саладина к власти в Египте (1169) ознаменовался началом разрозненных попыток атаковать королевство крестоносцев, которые играли скорее пропагандистскую роль, нежели настоящие военные мероприятия. Трансиорданские замки подверглись кратковременной осаде, и было проведено несколько незначительных рейдов против королевства. Единственное серьезное наступление Саладина в 1177 г. закончилось его полным поражением в сражении при Монгизарде (библейский Гезер), но тогда Саладин был еще посредственным командующим. Его величие заключалось в том, что ему принадлежали сердца верных ему воинов.

Но время работало в его пользу. Укрепление его власти в отдельных областях Месопотамии, Сирии и Египте – и даже в отдаленных Судане и Йемене – предоставило в его распоряжение большие армии, в которых часто проводилась замена личного состава. В противоположность этому, иммиграция в Латинское королевство уменьшилась после 2-го Крестового похода, прекратился рост населения, и даже наметился его спад. Каждый военный поход требовал почти тотальной мобилизации всех имевшихся в распоряжении сил, и одно проигранное сражение могло закончиться потерей всей армии и гибелью королевства.

Тем не менее не следует преувеличивать опасности. Несмотря на поддержку пацифистских кругов общества и больших масс народа, Саладин не в полной мере мог распоряжаться материальными ресурсами исламского мира. Да и его оборона не была уж столь непроницаемой. Доказательством чему послужили успешные попытки франков пройти через Синай и вторгнуться в приграничные области Египта или рискованный поход Рено де Шатильона к Красному морю (1183) вплоть до Мекки и Медины. Именно внутренние события в Латинском королевстве подталкивали противника к вторжению. Противостояние различных фракций и гражданские распри ослабили власть центрального правительства, в то время как набеги Саладина (начиная с 1183 г.) становились все более частыми и набирали силу и привели к роковой битве при Хат-тине близ Тивериадского озера (июль 1187 г.).

Не было ничего необычного в этой известной кампании. Войска под командованием Саладина были, вероятно, более многочисленными, чем обычно, но и франки, которых возглавлял Ги де Лузиньян, были тоже сильны. Даже стратегия была стандартной: перейти Иордан и атаковать в центре. Целью в этом случае была Тиверия. Мелкие отряды начинали опустошать сельскую местность. Ответом франков было решение предпринять необходимый маневр, чтобы армия могла занять позицию удобную для лобовой атаки, основной ударной силой которой была тяжелая кавалерия. Предлагалось также сконцентрировать свои силы на направлении главного удара и заставить мусульман отойти или рассеять их. Накануне битвы франки вначале избрали второй вариант, но потом, последовав чьему-то ложному совету, решили выдвинуться к высотам Тиверии. Во время перехода армия попала в ловушку, и битва закончилась ее пол-

ным уничтожением. Около 1200 рыцарей и 15 тысяч пеших воинов были убиты или взяты в плен. Армии не стало, а вместе с нею и королевства.

Мобилизация, предшествовавшая битве при Хаттине, была настолько полной, что в прямом смысле слова не осталось людей для защиты замков и городов. Когда Саладин обещал христианам свободный выход из осажденных крепостей, большинство открыло ворота немедленно или после краткого сопротивления. Иерусалим капитулировал 2 октября 1187 г. после 88-летнего правления христиан. Небольшие очаги сопротивления оставались в Галилее, но они постепенно исчезли, и к концу 1189 г. ничего не осталось от королевства, кроме Тира. На севере Антиохия, Триполи и Маргат были единственными франкскими островами в море ислама.

3-й Крестовый поход (1189–1192) восстановил Латинское королевство. Падение Иерусалима потрясло Европу, которую снова призвали освободить Гроб Господень. Армии из Франции, Англии и Германии, ведомые Филиппом II, Ричардом Львиное Сердце и Фридрихом I, набранные со всей Европы, высадились в Тире и в заливе Акры, двигались сюда через Балканский полуостров. Их мощь значительно уменьшилась, когда германская армия, шедшая после Балканского полуострова через Малую Азию, случайно потеряла своего командующего, старого императора Фридриха I Барбароссу⁶. Прибывшие войска присоединились к отрядам Ги де Лузиньяна, отпущенного Саладином, и осадили Акру. На протяжении трех лет (1189–1191) Акра оставалась в фокусе событий на Ближнем Востоке и в какой-то мере в Европе. Голод вынудил оборонявшихся сдаться, и Ричард Львиное Сердце отправился в поход на юг. Его храбрость и упорство помогли отвоевать для франков некоторые части побережья. Христиане и мусульмане были готовы заключить мир, что и было сделано в Рамле (2 сентября 1192 г.). Узкая полоса побережья от Тира на севере до Яффы на юге стала новой границей королевства.

В сравнении с невероятными усилиями, которые предприняли европейцы, результаты 3-го Крестового похода были разочаровывающими. Более того, надежда на приток иммигрантов в королевство так и не оправдала себя. Основной проблемой оставалось не наличие в достаточном количестве войск, чтобы разгромить противника в битве (в чем крестоносцы были мастера), а нехватка рабочих рук для освоения захваченных земель, людей, готовых пустить здесь свои корни. Это сыграло негативную роль в условиях резкой смены мусульманской стратегии. Во время 3-го Крестового похода Саладин избрал тактику выжженной земли, которой придерживались в дальнейшем его преемники в Дамаске и Египте. Все замки и города, захваченные у франков, систематически разрушались. Необходимы были время и деньги для их восстановления при постоянной угрозе нападения мусульман. С другой стороны, только массовая иммиграция могла вдохнуть жизнь в города и замки и восполнить потери поражения при Хаттине и в 3-м Крестовом походе. Но миграция не зависела от крестоносцев. Ей управляли в не меньшей степени, чем духовные и эмоциональные связи христианства со Святой землей, местом своего рождения, демографические и хозяйственные процессы в Европе.

В каждом последующем походе крестоносцы старались отвоевать потерянные земли. Несмотря на то что зачастую все сводилось к отдельным набегам, крестоносцам удалось овладеть отдельными утерянными областями королевства. Так, поход 1197 г. обеспечил связь южного побережья с графством Триполи после захвата Бейрута. Во время крестового похода 1204 г. был взят Сидон на севере и обеспечен полный контроль над Рамлой и Лиддой, который до этого осуществляли совместно мусульмане и франки.

Половинчатые результаты крестовых походов, наряду с проблемой контроля внутренних областей страны, объясняют отклонение более поздних маршрутов крестоносцев от основного направления на Святую землю и прямые атаки на Египет, главную мусульманскую державу на Ближнем Востоке. Дважды, в 1218–1221 гг. и во время похода Святого Людовика (короля

⁶ Родился ок. 1125 г., с 1152 г. император Священной Римской империи. Утонул в 1190 г. в р. Салеф.

Франции Людовика IX) в 1248–1250 гг. (он оставался в Святой земле до 1254 г.), казалось, что крестоносцы на полях сражений в Египте отвоюют Святую землю и восстановят свое королевство. Дважды повторилось блестящее начало, победа крестоносцев и согласие Египта уступить франкам все бывшее королевство (за исключением Трансиордании), и все закончилось катастрофой и эвакуацией из Египта.

Чего не удалось добиться на поле битвы, было достигнуто в результате благоприятно сложившихся обстоятельств: произошел распад империи Айюбидов после смерти ее основателя Саладина (1193). Вслед за этим началось соперничество между правителями отдельных областей бывшей империи, номинально подчинявшихся султану Египта. Прибегнув к коварной политике угроз и предложений о союзе, Латинское королевство дважды добивалось восстановления некоторых своих прежних владений, хотя оно никогда и не вышло к своим прежним границам.

Известный крестовый поход (1228–1229) Фридриха II Гогенштауфена, хотя многие и не признают его заслуг, закончился мирным договором в Яффе (1229). Владения франков приросли новыми землями, в частности Назаретом и частью Иерусалима; также были установлены два коридора, связавшие побережье с новыми приобретениями в Галилее и Иудее. Иерусалим вновь стал христианским, хотя не более чем на 15 лет (вплоть до 1244 г.), когда город был захвачен хорезмийцами.

Франки были изгнаны из Святого города, и здесь больше не было христианского правителя вплоть до того дня, когда после отступления турецкой армии в город в 1917 г. вошел генерал Алленби. Тридцать лет спустя (1947) половина города стала столицей государства Израиль, а вторую половину оккупировал Абдулла, король Трансиордании. Двадцать лет спустя после этих событий в результате Шестидневной войны (1967) весь Иерусалим стал израильским.

Границы королевства, раздвинутые Фридрихом II в 1229 г., снова были перенесены в 1240–1241 гг. после походов графа Шампани Тибо, а затем графа Корнуолла Ричарда, брата английского короля Генриха II. Граф Тибо заключил договор с Дамаском, который был крайне необходим для христиан, объединившихся против Египта. Был заключен договор о сотрудничестве и союзе, и он принес крестоносцам Сидон и Бофор и совместное управление в Галилее с ее столицей Тиверией. Земельные владения значительно увеличились годом позже после похода Ричарда Корнуоллского (1240–1241), в результате которого мирный договор с Египтом признал за крестоносцами право на все прежние и вновь приобретенные земли. Вся Галилея отошла к крестоносцам, как и Иерусалим, Вифлеем и коридор через Рамлу и Лидду до Яффы. Более того, примыкавший анклав был расширен после присоединения к нему Бейт-Джибрина и Аскалона на побережье. Новые границы стали самыми протяженными в XIII в. При сравнении территории с первым королевством сразу же бросается в глаза потеря Трансиордании, Голана, Северной Иудеи и Самарии, которые оставались под властью мусульман.

Эти новые границы могли дать гарантию для существования королевства, но не способны были поддерживать его жизнедеятельность. Будущее зависело от желания и возможности закрепиться на новых отвоеванных землях. Были предприняты определенные усилия, но достаточно было прочесть описание укреплений в Сафете (1240), чтобы понять, какие суммы требуются на их восстановление. Возвращенные земли обезлюдели, замки были разрушены, и только прибытие мигрантов могло спасти положение. Но на это не было никакой надежды. Невозможно было надеяться и на новые походы, подобные тем, которые предприняли Святой Людовик и принц Эдуард (будущий английский король Эдуард I). После них в Святой земле осталось мало поселенцев.

Прибытие хорезмийцев⁷, которых пригласили египтяне (1244), привело к тому, что они отняли у крестоносцев Иерусалим и стали первыми в числе многих бед, постигших европей-

---

⁷ Эти хорезмийцы были остатками войск последнего хорезмшаха Джалал ад-Дина, которые бежали от монголов в Север-

цев. Святой Людовик IX, чьи войска завязли в топкой илистой почве дельты Нила, пришел к здравому решению: остаться на четыре года на побережье и приложить все усилия для строительства городских укреплений, откуда могла начаться европейская реконкиста, если на то будет воля христианской Европы.

Прибрежные города и замки были укреплены довольно быстро благодаря тому, что Египет не вмешивался и безмолвно наблюдал за тем, как мамелюки (мамлюки) захватывают власть у ослабевших Айюбидов (1250). Кроме того, вторжение монголов, что стало одной из самых больших катастроф в истории Азии и Европы, докатилось и до Ближнего Востока. Это случилось поколение спустя после того, как Чингисхан создал новую систему политических взаимоотношений. Завоевание монголами Персии (Ирана)⁸ и возникшая с их стороны угроза Месопотамии и Сирии бросала вызов гегемонии на Ближнем Востоке не только Египта, но и ислама.

Святой Людовик IX, как и все крестоносцы, рассматривал новую силу в качестве возможного союзника. Среди монголов были принявшие христианство племена и командиры-христиане, что было заслугой несторианских миссий, действовавших в Центральной Азии. Монголы перешли в наступление на халифат, и приближался час прямого столкновения с главной мусульманской державой.

Джихад середины XIII в. означал не только борьбу с еще уцелевшими христианами, но и священную войну с монголами. Попытки крестоносцев вступить в союз с монголами провалились, и во время решительного столкновения крестоносцы были не только пассивными наблюдателями великих событий, которые решали судьбу Ближнего Востока. Человек, который возглавил джихад и определял судьбы ислама, был Бейбарс, мамлюкский правитель Египта. Это был человек выдающихся способностей и основная фигура на Ближнем Востоке в третьей четверти XIII в. Победитель монголов в битве при Айн-Джалуте (1260) и в последующих с ними сражениях в Сирии, Бейбарс (умер в 1277 г.) уничтожил последние учреждения крестоносцев в Сирии и Палестине. За три года (1263–1266) Бейбарс подорвал власть крестоносцев в Галилее и затем обрушился на сильно укрепленные замки и города на побережье. Захваченные города уничтожались, чтобы не дать восстановиться власти крестоносцев, что стало бы кошмаром для мусульман.

Падение последних твердынь крестоносцев было только делом времени. В 1291 г. аль-Малик аль-Ашраф Халиль осадил Акру (5 апреля – 18 мая), и город пал после героической 44-дневной обороны. Жители Тира и Сидона были эвакуированы, потом пришла очередь Бейрута и Хайфы. 14 августа 1291 г. храмовники (тамплиеры) оставили Шато-Пелерин, последний оплот крестоносцев в Святой земле, и отплыли на Кипр.

ную Месопотамию и жили грабежами и наемничеством.

⁸ Иран ко времени завоевания монголами был в составе державы Хорезмшахов.

Глава 4

Иерусалимское королевство

Современный студент мог бы удивиться, узнав, что, когда участники 1-го Крестового похода отправились на помощь христианам Востока и для освобождения Гроба Господня, никто из них – ни папа, ни князя – не мог сказать, какова будет судьба будущих завоеваний. Что станет с завоеванными землями после обретения Гроба Господня и освобождения его из-под ига мусульман? Выглядит правдоподобным, что Урбан II пообещал (хотя нет прямых доказательств этого) несметные богатства тем, кто отправится на Восток. Но это, скорее, имело отношение к военной добыче, и вопрос о будущем управлении территорий не поднимался. Представляется, что среди вождей армии только Раймунд IV Сен-Жильский, командовавший отрядами из Прованса, намеревался остаться на Востоке. Другие заранее предпринимали необходимые шаги, чтобы обеспечить управление новыми землями в их отсутствие, надеясь рано или поздно вернуться на родину.

Во время тех трех лет, что крестоносцы провели в походе, в их среде начали вызревать идеи относительно своего будущего на завоеванных землях. Неожиданные обстоятельства поставили их перед свершившимся фактом, который никто не мог предусмотреть. Первыми, кто использовал новые возможности, были непостоянные, неразборчивые в средствах и нуждающиеся в деньгах норманны Сицилии. Боэмунд претендовал на роль представителя византийского (восточно-римского) императора в войске крестоносцев, а его племянник Танкред пытался сделать города на Киликийской равнине своим владением еще до того, как крестовое войско подошло к Северной Сирии. И снова это был Боэмунд, который захватил для себя Антиохию, отняв ее у Раймунда Сен-Жильского после того, как его захватили в плен сельджуки. Следом по пятам шел Балдуин, брат Готфрида Бульонского, который откликнулся на призыв армян Эдессы о помощи против их соседей мусульман. Спустя краткое время ему удалось возбудить мятеж против местного христианского властителя и стать самому новым правителем графства Эдесса.

После захвата Антиохии крестоносцы отправили послание папе с просьбой присоединиться к их войску и возглавить его. История Среднего Востока могла бы быть совершенно иной, согласись папа на их просьбу. Но ни один папа так и не посетил новые провинции западного христианства (как не случилось этого и в наши дни в колыбели христианства), несмотря на то что ряд понтификов были избраны из прелатов латинского Востока.

По правде говоря, призыв из Антиохии был эфемерным. Больше никогда крестоносцы не обращались к папе с просьбой возглавить их армии. Более того, как уже говорилось ранее, в Антиохии крестоносцы и их вожди пытались выкроить для себя княжества и маноры.

Вопрос о будущем оставался нерешенным, но урок Антиохии и Эдессы не был забыт. Было понятно, что после того, как город был занят, требовалось поставить кого-либо во главе исполнительной власти и наладить его управление. Первое столкновение идей в вопросе будущего завоеванных земель имело место во время осады Иерусалима. Эти преждевременные споры под стенами еще не сдавшегося Иерусалима позволяют нам взглянуть на политические концепции, которые сформировались за три года эпического 1-го Крестового похода.

Светское командование армии, то есть герцоги, графы и дворяне, которые вели свои войска из Европы в Иерусалим, предлагали, естественно, немедленный выбор правителя. К тому времени большинство крестоносцев, вероятно, уже решили вернуться в Европу после завоевания города, освобождения Гроба Господня и формального выполнения клятвы, данной в начале крестового похода. Эти влиятельные вожди похода имели большой опыт управления собственными странами. Для них было ясно, что светский правитель должен избираться

теперь, когда крестовый поход, который унес множество жизней и стоил многим его участникам состояний, наконец-то принес свои плоды. Вся сложность заключалась в выборе отвечающего всем требованиям правителя, но не правительства.

Диаметрально противоположных взглядов придерживались представители народного движения, что едва не привело к бунту в Антиохии. Мы не знаем конкретно, кем они были, но, возможно, к ним относилось низшее духовенство, которое и выдвинуло свои предложения. Движимые мессианскими устремлениями, которые были характерны для времени начала крестовых походов, они в принципе отказывались от назначения или выбора любого правителя. Объясняя пророчество пророка Даниила довольно странным образом, они заявляли, что приход мессии уже близок, и в любом правителе нет необходимости (Книга пророка Даниила, 9: 24). Для тех, кто покинул Европу с кличем «Христос ведет нас!», для крестьянских армий, заполонивших дороги Франции и Германии, которые справлялись в каждой встреченной на пути деревне, не Иерусалим ли это, – для всех них вернуться к прежнему порядку вещей и создать обычное государство с правителем, законами и привычными институтами власти было равносильно предательству самой идеи крестового похода. Разве не падут стены Иерусалима, подобно тому как пали стены библейского Иерихона, когда босые и кающиеся воины обойдут их под звуки труб? Эти люди почувствовали себя освободившимися от всех грехов и очистившимися, готовыми войти в Царствие Небесное. И потому сама идея земного государства казалась им нелепой и абсурдной.

Третью группу представляли прелаты, которые не оспаривали необходимость назначения мирского защитника и хранителя города. Они настаивали, что избрание патриарха должно предшествовать выбору правителя. Духовные вопросы, как они считали, имеют преимущество перед вопросами этой временной жизни. Однако протокол не был их основной проблемой. Крестовый поход был следствием папского призыва; ни один король Европы не принял в нем участия. Тем самым разве не было ли само собой разумеющимся, чтобы завоеванные земли признали верховную власть папы? Надо признать, что никто не высказался в этот момент за создание папского государства, владычество святого Петра на земле, где родился святой Петр. Однако несколько месяцев спустя энергичный Даимберт Пизанский, патриарх Иерусалима, заставил присягнуть себе Готфрида Бульонского, Балдуина Эдесского и Боэмунда Антиохийского. При этом Готфрид даже обещал оставить ему святой город.

Столкновение мнений прервали военные действия. Дискуссии были отложены до взятия города. Только после победы, грабежей и резни, когда все население города, за исключением некоторого числа заложников для получения выкупа, было уничтожено, все вожди похода встретились вновь в храме Гроба Господня. Миряне преобладали, и после того, как отвергли кандидатуру могущественного и заносчивого Раймунда де Сент-Жилия, главой города был избран Готфрид Бульонский.

Благочестивая легенда рассказывает о том, что Готфрид отказался от титула и королевского венца в городе, где Христос носил терновый венец. Он принял титул «Защитника Гроба Господня», хотя это отчасти имеет двусмысленный характер. «Адвокатом» в те времена выступал, как правило, дворянин, который был представителем церковного учреждения – монастыря или церкви при выполнении ими общественных обязанностей в качестве феодального властителя. Необычный титул Готфрида значил, возможно, что он признает отчасти церковный сюзеренитет, хотя оставалось неясным, что это означало на практике. Его почитание патриарха Даимберта спустя всего лишь неполный год после завоевания Иерусалима (1100) указывают на то же самое. Но Готфрид был первым и последним правителем Иерусалима, который отчасти признавал свою зависимость от папы и патриарха. Уже Балдуин I, брат Готфрида и наследник Иерусалимского трона, высказался предельно ясно, что его королевский титул «дарован ему Господом», независимо от какого-либо посредника. Возможно, его выбор Вифлеема вместо Иерусалима для коронации был каким-то образом связан с его желанием дистанцироваться

от церковных требований. А возможно, это было желание уподобиться царю Давиду, помазанному в Вифлееме. Изображение Гроба Господня на королевских монетах и печатях было единственным свидетельством связи между королями Иерусалима и Гробом Господним. Но на монетах и печатях присутствовало также изображение мечети Омара (Куббат ас-Сахра, Купол Скалы), которая стала «храмом Господа» крестоносцев и крепостью Давида, то есть цитаделью священного города, свидетельствующей о нецерковном характере королевства. Гроб Господень был вторым значимым объектом, наиболее известным и почитаемым в городе и королевстве, но он никогда не претендовал на независимость.

Новое королевство, таким образом, было светским государством, во главе которого стали светские правители из знати. Но сила религиозной традиции не ушла окончательно и оставила глубокие следы в политической структуре власти.

Если взглянуть на карту завоеваний европейцев на Востоке, узкую и протяженную полосу земли от Киликии до Акабы, достигавшую в длину до 500 миль, а на картах королевства она протягивалась от Бейрута до Красного моря на 300 миль, то поражает прежде всего местоположение столицы. Определенно географический центр всех этих владений должен был находиться около ливанского Триполи; собственно, в самом королевстве столицей должна была быть Рамла или Акра. Но именно Иерусалим, который находился на самой южной границе владений крестоносцев, дал название королевству. Но примечательно не только геополитическое положение столицы. Многие города крестоносцев превосходили по величине, количеству населения и богатству Иерусалим. Акра и Тир, вне сомнения, были более важными центрами, чем Иерусалим, в то время как Антиохия была наиболее населенным и богатым из всех городов крестоносцев. Иерусалим, удаленный от моря город, не имел преимуществ торговых городов и не был связан с каким-либо международным маршрутом торговли. Как экономически, так и стратегически Иерусалим был скорее чаемым городом будущего, чем настоящего времени.

Тем не менее Иерусалим был избран в качестве столицы, и крестоносцы приняли этот факт как само собой разумеющийся, обращаясь к своим правителям как к «королям Иерусалима». Называли новое государство по-разному, то Иерусалимским королевством, то королевством Давида. Все эти названия были тесно связаны с библейской историей. Согласно традиционному вероисповеданию, христиане «по духу» были наследниками исторического, некогда получившего благословения Израиля, избранным народом, которые признавали Христа как мессию.

Неписанный закон управлял судьбами Иерусалима. С тех пор как Давид, царь Израиля, провозгласил Иерусалим «храмом Царским и столицей царства» (Книга Амоса, 7: 13), все страны и нации, что воспринимали Библию как Священную книгу или как часть своего духовного наследия, избрали Иерусалим своей столицей. Так было во время царств Иуды и Израиля и снова во времена царей из рода хасмонеев и существования британской подмандатной территории, и так есть в Израиле уже в наши дни. Ни египтяне, ни вавилоняне, ни персы, ни римляне, ни византийцы, ни арабы и турки, которые правили этой страной в различные периоды истории Иерусалима, насчитывающей четыре тысячелетия, не придавали ему должного значения как месту почитания. Основными городами были Кесария, Рамла, Газа и Сафет. Более того, Иерусалим был столицей, только когда Святая земля имела статус независимой страны. Когда она становилась провинцией или сатрапией Востока, город лишался почетного положения столицы.

Когда Иерусалим стал столицей латинского Востока, его первым правителям пришлось снова заселять его, поскольку его исконные жители были истреблены. Вначале была заселена не более чем четверть города, примыкавшая к Гробу Господню и Башне Давида. В других частях города некоторые мечети, как и мечеть Омара на эспланаде храма, стали церквями, а мечеть Аль-Акса королевским дворцом. Но даже это малочисленное население стремилось покинуть столицу и уехать на побережье, где жизнь была легче. Власти были вынуждены издать указ,

который предполагал конфискацию собственности у всех отсутствовавших на тот момент ее владельцев и в случае их невозвращения передачу ее к концу года арендаторам. С целью сделать Иерусалим более привлекательным был принят указ, согласно которому пошлины на все продовольствие, взимаемые у ворот города, отменялись. Но в итоге короли Иерусалима, которые были его правителями, начали повторно последовательно заселять город. Около 1115 г. они организовали переселение восточных христиан из Трансиордании, предоставляя им для размещения северо-восточный, бывший еврейский, квартал города, который продолжал называться *Juiverie*. Со временем город поднялся из руин. Поскольку евреям и мусульманам не разрешалось селиться в столице, его жителями были исключительно недавно прибывшие в страну европейцы и восточные христиане. Скучные возможности для ведения торговли частично компенсировались за счет обслуживания нарастающего потока паломников. Более того, в городе размещалась королевская администрация и патриаршая кафедра, находилась штаб-квартира военных орденов и многочисленные церкви и монастыри, что придавало Иерусалиму вид процветающей, но в основном типично потребительской столицы. Единственную статью экспорта составляли священные реликвии, вывозившиеся в неограниченном количестве, которые благочестивые верующие приобретали, а некоторые и похищали.

Благодаря престижному статусу города только его правитель носил королевский титул. Антиохия была княжеством, а Эдесса и Триполи графствами. Только в начале XII в. образовавшееся в Малой Армении новое Армянское государство короновало своего правителя королевской диадемой. Лузиньяны, франкские правители Кипра, случайно захваченного во время 3-го Крестового похода, также приняли королевский титул. Но все это были более поздние события, не связанные непосредственно с началом крестовых походов.

Королевский титул, как и название «Иерусалимское королевство», имели двойное значение. Эти титулы означали главного сюзерена, осуществлявшего свою власть над всеми франкскими княжествами, что иногда подчеркивалось проведением торжественной церемонии оммажа. Более того, во время войн, в случае несовершеннолетия, плена или гибели правителей северных княжеств короли Иерусалима брали в опеку их владения. Этот особый статус королей Иерусалима никогда не был предметом формального законодательства, но результатом всеобщего согласия, в основном обязанного тому факту, что король правил Иерусалимом, городом, занимавшим центральное место в священной истории.

С другой стороны, титул «король Иерусалимского королевства» использовался в узком смысле слова, обозначавшем правителя самого южного княжества среди всех земель латинян на Востоке. Во времена своего наивысшего могущества оно граничило с графством Триполи на севере. Общая граница проходила в нескольких милях к северу от Бейрута по реке Нар-эль-Муамилтайн. Граница сложилась довольно случайно, Бейрут оказался самым северным городом, захваченным в 1110 г. королем Иерусалима, в то время как Джебель (древний Библ) за рекой уже находился в руках (1103) Раймунда Сен-Жильского, основателя франкской династии, владевшей графством Триполи. С падением города Триполи в 1109 г. весь район к северу от небольшой реки перешел под управление графов Прованса. Это была единственная общая граница между двумя латинскими образованиями, протяженностью всего в несколько миль. Далее к востоку граница подходила к горам Ливана и практически не была обозначена на местности. Непосредственно к востоку от Бейрута проживавшее в горах Аль-Гарб мусульманское население пользовалось значительной автономией, хотя официально оно признавало сюзеренитет франкских правителей Бейрута. Счастливый случай сохранил некоторые интересные документы крестоносцев на арабском языке, в которых говорилось о наделении местных шейхов земельными владениями с деревнями. Этот район был населен маронитами, христианами Ливана. Горные деревни, в которых жили великолепные стрелки из лука, имели, как правило, дружественные отношения с франками и даже признали верховную власть римского престола.

Граница франкских владений спускалась с Ливанских гор в южном направлении. Она шла вдоль реки Литани (Эль-Литани) с севера на юг, резко поворачивая на запад вблизи замка Калъят-аль-Шекиф, который крестоносцы называли Бофор. Большая с плодородными почвами котловина Марджьюн («Долина источников»), расположенная к востоку от Эль-Литани, которую крестоносцы называли *Val Germain*, и еще более удаленный на восток Вади аль-Тайм, где паслись стада, принадлежавшие кочевникам бедуинам и туркоманам, по-видимому, не входили во владения королевства. Крестоносцы часто совершали набеги на эти земли и возвращались, гоня перед собой стада скота. Кочевники были вынуждены выплачивать дань франкам, обещавшим свое покровительство, и за исключением Бофора они не претендовали на эти пастбища (была только небольшая крепость Хасбайя к востоку от Вади аль-Тайма, называемая в документах крестоносцев Ласабеб).

В месте резкого поворота реки Эль-Литани франкская граница поворачивала на восток. Оставляя позади Ливанские горы, она проходила через истоки Иордана и достигала южной оконечности покрытой снегами горы Хермон (2814 м). На одном из отрогов горы Хермон находился Калъят-аль-Субейбе (современный Калъят-Нимруд), который господствовал над городом Банияс и отмечал крайнюю точку франкских владений на северо-востоке. В этом месте не было ни реальной, ни формальной границы между Латинским королевством и его северным мусульманским соседом – великим городом Дамаском.

Истоки Иордана и небольшие реки, которые далее к югу образовывали эту реку, находились в границах королевства. Но плато Голанитис (в еврейском языке Голан, на арабском Джалан) на востоке и расположенный южнее Аль-Савади (Терр-де-Сюэт, как называли его крестоносцы) у Тивериадского озера были ничейной землей. Или, правильнее сказать, совместным владением франков и Дамаска. Весь район вплоть до реки Ярмук на юге, хотя политически и зависимый от Дамаска, выплачивал большую дань правителям Галилеи. Две небольшие крепости на восточном берегу Тивериадского озера Эль-Аль и Каср-Бардавилъ (замок Балдуина) были, по-видимому, единственными оборонительными сооружениями во всем районе, и неизвестно, когда и кем они были построены.

На южном берегу реки Ярмук (Эль-Ярмук) стояла мощная необычная пещерная крепость, которую арабы называли Хабис или Хабис-Джалдак, а крестоносцы – Кав-де-Сюэт (крепость Аль-Савади). Это была природная твердыня, которую крестоносцы занимали на протяжении большей части XII в., хотя она и меняла своих хозяев и становилась иногда владением Дамаска.

От Хабис-Джалдака до истоков Ярмука между Музайрибом (Эль-Музайрибом) и Даръа тянулись обширные пастбища. Крестоносцы проникли в этот район и овладели Даръа. Переданный в феодал знатному франку из окрестностей Парижа, он был назван «городом Бернара де Этампа». Но владычество крестоносцев было кратковременным. У них не было в достаточном количестве людей, чтобы освоить этот периферийный район.

Далее к востоку располагались города Бусра (Бусра-эш-Шам) и Сальхад. Правителей в эти города назначал Дамаск. Но отдаленность от Дамаска и близость к франкам, которых в XII в. многие мусульмане считали союзниками, хотя и ненавидимыми и опасными, приводила к странному политическим маневрам. В середине XII в. в Бусре и Сальхаде при попустительстве франков был создан независимый мусульманский эмират. Это было выгодно франкам, так как они не могли управлять отдаленными территориями, но получали выгоду от существования автономного буферного государства, полностью от них зависящего. Но франки просчитались, поскольку эфемерный независимый эмират после периода короткого и бурного существования распался.

К югу от реки Ярмук древнее поселение на высоком плато Джиляд (по арабски Джебиль-Айюф) и его южная часть, горы Аджлун (до 1247 м) вместе с западной частью глубокой впадины Иордана, никогда не подчинялись франкам, хотя во время одного из своих походов

они дошли до места Гераса (Джараш), которое разрушили. Мусульманский замок Кальбат-аль-Рабат, построенный вблизи Аджлуна в XII в., – одинокий свидетель мусульманского владычества в этом пустынном районе.

Господство франков проявляло себя более явственно на древних землях Аммона и Моава к югу от реки Эз-Зарка. Эта обширная область, протянувшаяся далеко на юг до Красного моря, стала франкским владением Трансиорданием.

Граница франкских владений оконтуривала населенные и пригодные для ведения сельского хозяйства земли. К востоку лежала Трансиорданская пустыня, которая на юге в окрестностях Маана незаметно переходила, на пересечении дорог с Синайского полуострова и из Хиджаза, в Аравийскую пустыню. Франкская граница, как представляется, проходила по важной дороге, которая вела к побережью Красного моря в Акабу. Не позже 1115 г. франки пришли с севера и овладели рыбацкой деревней, не встретив сопротивления. Они построили небольшую крепость, которая охраняла выход к Красному морю и контролировала дороги из Акабы на Синай и в Египет на западе и в Аравию на юге.

В этом месте граница опять исчезала в песках пустыни. После утверждения здесь владычества Византии пустыня Негев опустела, а ее города занесло песком. Это была, как называли ее крестоносцы, Великая пустыня в юго-западной части Палестины. В пустыне, простиравшейся в западном направлении и далее на Синай, не было проведено никаких границ. Здесь не было ни одного человеческого поселения, за исключением нескольких оазисов на трех главных дорогах, что пересекали Синай. Еще во время захвата Акабы Балдуин I подошел к монастырю Святой Екатерины у подножия горы Синай (2285 м). Греческие монахи попросили его как можно скорее покинуть святое место, чтобы не испортить отношения с мусульманами, будь то кочевники бедуины или египетские чиновники.

Только выйдя к побережью Средиземного моря по самой северной дороге, связывавшей Египет с Палестиной, франкская граница могла быть вновь обозначена крепостью Дарум или Дейр эль-Балах на самом краю пустыни. Здесь начинался ее самый безопасный участок, шедший вдоль средиземноморского побережья.

Глава 5

Завоеванные земли и народы, их населяющие

На протяжении тех пятидесяти лет (1099–1153), в течение которых Иерусалимское королевство почти беспрепятственно развивалось, передвигая свои границы на всех направлениях вплоть до окраин пустыни, первоначальное ядро других христианских княжеств, основанных во время 1-го Крестового похода, также достигло максимальных размеров. В итоге латинские владения на сирийском побережье протянулись от залива Александретта (Искендерун) на севере до Акабы, порта на Красном море.

Вследствие различия природных условий территория крестоносцев, протяженностью до 600 миль в длину, разделялась на западную часть, расположенную на побережье, и восточную – на границе с пустыней. Разделительной линией служила глубокая долина, соответствовавшая геологической депрессии, разрезающей горное плато. Пологие хребты гор Тавр, которые образовывали естественную преграду на севере, переходили в направлении Сирии в хребет Аманус (Нур). Южнее Антиохии их сменяли горный хребет Ансария (Эн-Нусайрия) на западе и высокое плато Алеппо на востоке, от которого на запад расходились хребты Ливанских и Галилейских гор, а на востоке поднимались высокие плато Голан и Башан.

Этот горный массив можно легко преодолеть. Долины рек Аль-Асвад, Африн и Оронт (Эль-Аси) прорезают проход между горами Аманус (Нур) и Ансария, связывая Алеппо с Антиохией. Долина Букайа связывает Хомс и Триполи, а Ийзреэльская долина (долина р. Харод) позволяет пройти из Галилеи в Самарию и Иудею.

Эти основные физико-географические особенности территории повлияли на судьбу латинских завоеваний. Захватив морское побережье и порты, крестоносцы постарались расширить свои владения на восток, но их успехи были довольно скромны. Только власть графства Эдесса утвердилась в долинах верховий Тигра и Евфрата. Все другие княжества, за исключением очень короткого периода, никогда не владели землями к востоку от большой впадины, протянувшейся с севера на юг. Время от времени армии крестоносцев проникали вглубь мусульманской территории. Был момент, когда они подошли к воротам Алеппо, но тут же отступили, оставив захваченные крепости, и нестабильная граница теперь проходила по большой долине. Единственным исключением было Иерусалимское королевство, расположенное дальше всех к югу государство крестоносцев, которое на протяжении почти ста лет владело землями к востоку от Иордана вплоть до порта Акаба на юге.

Территории, занятые крестоносцами, представляли собой узкую полосу земли от Средиземного моря до большой долины на востоке. Именно здесь были расположены исторические области, разделенные политическими, этническими и религиозными границами и населенные самыми разными народами, которые сыграли большую роль в истории.

Ислам, бывший официальной религией завоеванных стран, в результате соперничества двух халифатов раскололся на два течения – суннитов Багдада и шиитов Египта. Но это разделение было результатом не только борьбы за первенство в вопросах веры и стремлением доказать правоту своего вероучения в рамках ислама. Две крупные политические силы боролись за влияние над верующими. Победы на поле боя были столь же важны, как и победы в борьбе за умы правоверных. Местное мусульманское население всегда сохраняло лояльность по отношению ко всем сменявшим друг друга правителям и в зависимости от того, кто находился у власти, часто придерживалось и их религиозных воззрений. Накануне образования Латинского королевства Палестина и Ливан, сохраняя верность своим несчастливым историческим судьбам, были предметом соперничества между своими могущественными соседями на севере и юге, двумя противоборствующими халифатами. Клонившаяся к закату суннит-

ская династия Аббасидов Багдада нашла защитников в лице турок-сельджуков. Турки прошли по Сирии, Ливану и Палестине; в то время как с господством Византии в окрестностях Антиохии было покончено. Египтяне были изгнаны из своих последних крепостей за пределы Синайской пустыни. Население городов и гарнизоны на вновь завоеванных землях стали турецкими. Однако иногда представители местной знати в условиях политического хаоса, пользуясь удобным случаем, образовывали автономные эмираты в прибрежных районах Палестины и Финикии. Египет, потерявший свои палестинские территории с началом турецкого вторжения в последней четверти XI в., все еще удерживал несколько прибрежных городов. За несколько месяцев до прихода франков египтянам даже удалось отвоевать у турок Иерусалим (1098).

Вторжения в Палестину и Сирию египтян и турок никак, или только в небольшой степени, не сказывались на национальном составе населения. Основная часть населения была представлена древними семитическими народами, которые последовательно подвергались влиянию эллинизма, римлян и христиан и, наконец, были обращены в ислам, хотя меньшинство всегда продолжало сохранять религию своих предков. Прибывшее в результате завоеваний новое население было незначительным. Солдаты различных гарнизонов в державах Птолемея и Селевкидов были римлянами, романизованными кельтами и германцами, которые вступали в родственные связи с местными жителями. Возможно, оставили свой след и кочевые арабские племена, но он был незначительным. То же самое можно было сказать и о турецких гарнизонах в городах и крепостях, которые легко растворялись среди местного населения, чему способствовала общая вера.

Ко времени начала крестовых походов большинство местного населения были уже мусульманами. Сунниты и шииты в своей пятничной молитве в тысяче мечетей упоминали имена своих халифов. Однако это было скорее политическим, чем религиозным актом, поскольку тем самым подтверждалась верность своему правителю. Обычно он сам давал на это разрешение, местное население об этом не спрашивали. Начальник египетского гарнизона в приморском городе обычно произносил имя фатимидского халифа, в то время как турецкий командир в соседней крепости на некотором расстоянии от побережья тоже упоминал имя, но уже аббасидского халифа Багдада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.